

Гарри моргнул. Он ничего не сказал своему другу о сне, когда уходил раньше. Что ж, тем лучше, подумал он. Если они решили, что он немного поспал, то кто он такой, чтобы исправлять их ошибку? Он мог себе представить, какие у них будут лица, если он скажет им, что хотел почитать, тем более что они все еще не знали о книге Смита. Впрочем, никто не мог быть удивлён больше, чем он сам. Когда Гарри впервые взял книгу в руки после пробуждения от кошмара, он ожидал, что чтение будет трудным. Уже после первой главы у него возникло желание сжечь этот ужасный фолиант за то, что он существует и насмехается над ним из-за его собственной неполноценности. Все было до смешного сложно, и он ничего не понял из текста. Даже не понял! Природа разума? Видимо, это не стоит головной боли.

Только нездоровое любопытство заставило его в тот вечер попробовать следующую главу. Она оказалась столь же неудачной, и он пожалел, что вообще открыл книгу, когда буквально на последней странице второй главы почувствовал, как в затылке что-то зашевелилось. Глава была посвящена связи магии и разума. Гарри, как обычно, не понял, что Смит хотела донести до читателей. Зачем вообще включать главу о чем-то подобном? Умные волшебники и ведьмы были более способными. Вот. Одно предложение - и все, что имело значение и было правдой, верно?

Ну, нет, видимо, нет. Вместо этого она много писала о Р-линиях и J-пиках, о пересечениях Лиры и о многом другом, о чем Гарри ничего не слышал. Вся книга - сплошное дерьмо, решил он, когда странное чувство поднялось в нем при чтении последней страницы. Во всех этих абзацах было... что-то важное. Смит писал о классификации магических людей в соответствии с указанными характеристиками. Возможно, он и не смог бы разобраться в ее сложных теориях, но у него все равно сложилось впечатление, что в подробных объяснениях скрыт фундаментальный аспект Искусства разума или, возможно, магии в целом. Могут ли люди обладать разными способностями в зависимости от их... пересечений, пиков, петель, линий, точек, углов и прочего? Если так, то, возможно, в Искусстве Разума есть нечто большее, чем то, во что заставил его поверить Снейп. Охватив себя этим подозрением, он решил читать дальше. Именно по этой причине, когда несколько часов назад остальные захотели поиграть во Взрывной Снейп, Гарри отклонялся и ушел в свою комнату, чтобы почитать в книге Смита.

«А, нет, я уже встал», - ответил он, заставив себя улыбнуться. Ещё несколько страниц, и он бы уловил основную идею, понял бы связь между магией и разумом, на которую Смит потратил столько времени в книге об Искусстве Разума, он знал это. Достаточно было бы еще нескольких страниц, еще нескольких минут. Все, что он узнал, - это то, что разум оказывает некоторое влияние на магию, но не на ее природу. Помогала ли сильная магия искусству разума? Или наоборот? Помогал ли сильный разум в магической защите самого себя?

Но это неважно, он разберется с этим позже.

«Я встаю», - повторил он, закрывая книгу и кладя ее на тумбочку.

«Хорошо, хорошо. Я пришла сказать, что ужин почти готов», - сказала миссис Уизли. «А еще тебе пришла сова», - добавила она, доставая из кармана конверт и протягивая его Гарри.

Гарри с любопытством открыл его. Он быстро узнал в письме почерк Невилла и прочел

несколько строк.

«Это от Невилла, - сказал он миссис Уизли, которая была занята тем, что поправляла занавеску на окне. «Он хочет прийти к нам в ближайшее время. Он хочет поговорить со мной кое о чем».

«Ничего страшного, дорогой, - ответила миссис Уизли, - ты же знаешь, здесь всегда рады твоим друзьям. Он написал, когда хочет прийти?»

«Э-э, во вторник, и, может быть, в течение часа, он пишет. Бабушка заставляет его много работать в саду, так что он почти все время занят».

«Значит, во вторник», - подтвердила миссис Уизли, выходя за дверь, - «Напиши ему ответ, ладно?».

Гарри остался размышлять над письмом. О чем Невилл хотел с ним поговорить? В первую очередь он подумал о родителях Невилла. Их постигла ужасная участь, и все из-за войны, забравшей Джеймса и Лили Поттер, той самой войны, которая стоила Сириусу многих лет жизни. Неужели Невилл хотел посочувствовать? Но нет, в этом не было смысла. Мысли Гарри перескочили на то, что объединяло его с Невиллом, - пророчество. Узнал ли Невилл о нем? Слышал ли он о его содержании? Поверил ли он слухам в «Ежедневном пророке»? Нет, этого тоже не могло быть. Так о чем же Невилл должен был говорить?

Что ж, во вторник Гарри узнает, а пока ему оставалось только отправить ответ.

Как будто кто-то включил свет, Гарри проснулся. Его сны были наполнены смертью, разрушениями и потерями, как это обычно случалось с ним в последнее время. На этот раз это были дементоры, целые стаи которых вторглись в Хогвартс. Армия Дамблдора была слишком растянута, а учителя странным образом отсутствовали, и у них не было ни единого шанса. Коридоры были усеяны телами десятков и сотен учеников, и Гарри с трудом удавалось отбиваться, но каким-то чудом ему удавалось оставаться на шаг впереди. Он хорошо защищал Прихожую, что, учитывая ситуацию и множество других мест, не имеющих достаточной защиты, означало, что у дементоров заканчивались жертвы в других местах; они начали стекаться в Прихожую со всех этажей. Ужас немного развеялся, пока он сражался с Джинни за спиной - оба закрывали половину комнаты, хотя этого было недостаточно, чтобы сдержать толпу, - когда он увидел что-то краем глаза: один из первокурсников, бездушный, упал сверху, прямо на Джинни. Все произошло слишком быстро, чтобы он смог узнать мальчика, но дементоры не дали ему времени на проверку. Они стали выбирать тех, кого он уже не мог полностью прикрыть, и утаскивать их высоко над собой, чтобы лишить души; Гарри предстояло пережить ещё одно поражение.

Но в кои-то веки он проснулся не из-за снов. Во всём этом хаосе и разрухе Гарри пришёл к осознанию того, что таилось в его сознании, к ответу на один вопрос, который не давал ему покоя в моменты бодрствования; это был ответ, который вертелся у него на языке. Внезапно,

посреди сна, как будто его ударили, он уловил связь, понял смысл объяснений Джозефины Смит. Он понял, что она имела в виду, говоря о пиках, линиях и всех этих дурацких названиях. Почему же он не видел этого раньше? Он знал об этом уже несколько месяцев, хотя и не понимал смысла. Разве он не заметил это во время занятий с армией Дамблдора? Теперь, когда он думал об этом, в этом был смысл, или столько же смысла, сколько обычно имела для него магия. Ему все еще не удавалось понять, что такое пики, линии, пересечения и все остальные термины, которые использовал Смит, но для своих целей он разобрался достаточно хорошо. Да и какое ему было дело до правильных терминов и тонкостей? У него был прорыв.

Все сводилось к личностям, понял он, его разум все еще был слегка заторможен. Почему его должно волновать, как это называют другие? Он понял основной принцип. Магия и разум, а точнее, личность, были связаны. Конечно, они были связаны, разве он не задавался вопросом, почему Рон выучил Патронус быстрее Гермионы? Почему Полумна, какой бы милой она ни была, не испытывала никаких трудностей с заклинанием, в то время как Падма Патил, несомненно, не сутулая и довольно умная, из всех сил пыталась справиться даже с туманом? Но он не думал о людях с точки зрения их характера. Патронус, заклинание, основанное на сильных положительных эмоциях, было сложнее для логически настроенных людей. Гермиона пыталась разобраться в нем, понять, как и почему, и, если бы у нее было достаточно времени, наверняка начала бы анализировать точное количество надежды, необходимое для Патронуса. Так уж устроен её ум; столкнувшись с проблемой, она пыталась рационализировать её как можно лучше.

Рон же, напротив, был более эмоционален и более прост. Естественно, у него было меньше проблем с тем, чтобы вспомнить счастливое воспоминание, потому что он не был так озабочен классификацией своих чувств, и если ему говорили подумать о чём-то, что делает его счастливым, он не задавался этим вопросом. Его разум работал по-другому, и в заклинаниях, для работы которых требовался эмоциональный фактор, он имел преимущество. И наоборот, заклинания, в которых больше внимания уделялось деталям, трансфигурации, например, были сильной стороной Гермионы. Полумна, не обремененная имиджем и верой в непонятные теории, не так часто смотрела на мир с точки зрения логики. Ей не составило бы труда просто выбрать счастливую мысль или воспоминание, и она бы поверила объяснению Гарри, а не подвергла его сомнению. А может быть, - размышлял Гарри, - успех с Патронусом связан со смертью. Такой, как Полумна, у которой было много счастливых воспоминаний, но она знала и о потерях, было бы легче ухватиться за один из самых счастливых моментов. На контрасте с плохими воспоминаниями хорошие просто выделялись больше.

Если характер ведьмы или волшебника в большей или меньшей степени обуславливает их способность к определенным видам магии - влияет на то, как они работают с заклинаниями, - то, разумеется, то же самое можно сказать и об искусствах разума. Это прекрасно объясняло, почему Смит потратил на это четыре главы - если это влияние характера, и если это влияние может быть сильнее, когда применяется к искусствам разума, то, конечно, первым шагом в их изучении должна быть классификация разума ученика. Хотя он и не знал, где это может пригодиться, но наконец-то добился прогресса и нашел объяснение тому, почему ему так тяжело давалась Окклюменция. Если его теория верна, ему нужно было выяснить, какой у него тип разума.

Он открыл книгу и перешел к оглавлению.

Там было следующее. «Глава седьмая - О категориях разума», - прочитал Гарри. Его взгляд переместился на окно. За окном было темно, но на горизонте небо начало окрашиваться в светло-серый цвет. Восход был близок.

Он не мог уснуть, не из-за прозрения, которое у него только что было. Не тогда, когда он был так близок к прогрессу.

*

*

*

От автора:

Следующая глава будет называться «Разум и традиции», и, судя по тому, что было в этой главе, вы уже можете догадаться, что будет в центре внимания.

.

Поскольку некоторые могут задаться этим вопросом, Дафна и Миллисент ссылаются на проблемные отношения с амбициозной миссис Булстроуд. Это примерно столько, сколько нужно знать. Поскольку я равнодушен к Миллисент, о чем свидетельствует мой другой рассказ «После бала», имеющий, разумеется, свое собственное продолжение, я также придумала для нее предысторию, которая, к сожалению, не играет особой роли, тихая девочка, какой она и является. Ее отец, чистокровный, не играет особой роли, только передает ей фамилию. Мать - полукровка, дочь маггла и волшебницы, возможно, с примесью крови существ. Возмущаясь своим немагическим наследием, миссис Булстроуд старалась воспитать дочь как можно более похожей на чистокровную. Нет, это не так важно, это лишь объясняет, почему у Миллисент чистокровное имя - Виолетта Булстроуд вышла замуж за Блэка, что говорит о том, что Булстроуды были известной чистокровной семьей - и она знакома с традициями, но при этом остается полукровкой, как предполагалось в документальном фильме «Гарри Поттер и я».

Что касается того, что Гарри предпочитает объятия Гермионы, то нет, это не намек на возможную любовь к ним; это разница между прижатыми к бокам руками или тугими до хруста в ребрах объятиями и гораздо более зрелыми объятиями, которые Гермиона дарит, когда понимает, что не должна выжимать из своих друзей всю душу. Вспомните, как ребенок цепляется за плюшевую игрушку и обнимает мать/отца, или, может быть, разницу между тем, чтобы ударить собаку и погладить ее, - здесь требуется больше осторожности.

.

.

.

Продолжение следует...

А пока поддержи меня лайком и не забывай добавлять книгу в закладки, чтобы не пропустить

НОВЫЕ ГЛАВЫ =)

<http://tl.rulate.ru/book/109360/4078267>